

МЕДИАТЕКСТЫ ПОЛИТИЧЕСКОГО ДИСКУРСА КИТАЯ В УСЛОВИЯХ УКРАИНСКОГО КРИЗИСА: ОПЫТ СОПОСТАВИТЕЛЬНОГО И ДИСКУРСИВНОГО АНАЛИЗА

Аннотация: В данной статье рассматривается проблема инструментария прикладных политлингвистических исследований. Основной тезис: лингвистическое знание – один из эффективных инструментов прикладных политологических исследований. Автор делает попытку рассмотреть и проанализировать китайские новостные тексты по конкретной кризисной ситуации как жанровую разновидность медиатекстов Китая (с российской территории) на предмет выявления информационно-коммуникативных технологий. Медиа-дискурс в руках политиков выступает мощным ресурсом, используемым для формирования общественного мнения, для завоевания поддержки населения. Методологическую основу исследования составляют системный, структурно-функциональный, сравнительно-исторический, сравнительно-политический, геополитический и культурно-цивилизационный подходы, методы анализа, синтеза, индукции, дедукции, моделирования, наблюдения. Важным условием достижения политического успеха является продуманность выбора языка общения с массовой аудиторией, которое осуществляется с помощью средств массовой информации и коммуникации. Увеличение роли языка в общественной жизни приводит к повышению уровня сознательного вмешательства в языковые практики с помощью специальных технологий.

Ключевые слова: Политика, управление, китайские «новые медиа», информационная война, политлингвистика, медиатекст, политический дискурс, информационное противоборство, перевод, безопасность

Целью статьи является анализ медиатекстов политического дискурса КНР в кризисной ситуации на Украине с точки зрения выявления позиции КНР в информационной войне.

В современной мировой науке, развивающейся по пути междисциплинарности, характерна ситуация при которой разработки в сфере естественных наук и цифровых технологий начали оказывать влияние на гуманитарное знание и, наоборот. Эффекты массовой коммуникации наиболее полно проявляются в сфере информирования: из сообщений СМИ аудитория получает информацию об относительной значимости события. Поэтому возможность влияния на познавательные способности аудитории является одной из важнейших составляющих власти массмедиа.

Язык средств массовой информации – живая и динамичная субстанция, особенно чувствительная к новым идеологическим веяниям, духовным переменам и модным тенденциям в той или иной общественной структуре. «Именно в языке СМИ, как сквозь прозрачное увеличительное стекло, можно наблюдать обновление и модернизацию

традиций, интерпретацию концептуальных моделей национального мировидения относительно конкретного историко-социального бытия общества»¹. Языковые средства медиатекстов образуют совокупность знаний об объекте и собственно субъекте в упорядоченной системе утверждений. Для каждого утверждения дискурса строится своя ментальная модель. Каждое новое утверждение добавляет новые сущности, свойства и отношения².

Возрастающая роль КНР как глобального игрока на мировой арене очевидна. Благодаря бурному экономическому росту у современного Китая появляется все больше ресурсов для решения своих геополитических и экономических интересов далеко за пределами АТР. Широкому кругу проблем международного сотрудничества КНР, понятийного аппарата политологического

¹ Ерофеева И.В. Язык современных СМИ: к проблеме моделирования // Гуманитарный вектор. – 2012. – №4 (32). – С. 34.-41.

² Екшмеева Л.В. Прикладные исследования в контексте новых качеств лингвистического знания. [Электронный ресурс]. – URL: <http://gisap.eu/ru/node/28927> (дата обращения 29.12.2013).

осмысления процессов внешнеполитической деятельности Китая, вопросов обеспечения национальной безопасности и стратегического планирования и других смежных проблем посвящены труды известных российских ученых, таких как: У. И. Берзиня, М. Л. Титаренко, Н. А. Спешнев, А. П. Девятков, С. Г. Лузянин, А. Н. Алексахин, А. М. Байчоров, В. Я. Портяков, А. Н. Карнеев, Ю. М. Галенович, Д. В. Кузнецов, Н. В. Кухаренко, С. В. Кухаренко, О. А. Шеломихин, Я. М. Бергер, К. С. Ануфриев, К. П. Боришполец, А. А. Волохова, В. В. Кочетков, а также работы зарубежных ученых, таких как: Ф. Бергстен, Бэйтс Гилл, Николас Ларди, Дерек Митчелл. Внешнеполитические и внешнеэкономические приоритеты лежат сегодня в трех плоскостях: во взаимоотношениях со странами-соседями; в Азиатско-тихоокеанском регионе; в рамках осуществления глобальной политики³. В своей внешней политике Китай стремится решить несколько задач: создать мирную международную среду, в которой он сможет продолжать свое экономическое развитие и в которой можно представить себя в качестве ответственного и конструктивного игрока; обеспечить ресурсы, необходимые для поддержания своего экономического развития; создать международные политические альянсы, которые разделяют отрицательную китайскую позицию к внешнему вмешательству во внутренние дела других государств; убедить других, что он является великой державой, возможно, способной стать вровень с США, и воссоединить материковый Китай с Тайванем по апробированной в Гонконге и Макао модели. Так, геостратегия США и Китая противоречат друг другу по тайваньскому вопросу и далее по островам в Восточно-Китайском и Южно-Китайском морях. Определение позиции по Крыму стало особенно сложным для Китая, т.к. в данной ситуации политика России по отношению к Крыму может создать нежелательный для Китая прецедент и стать в самом Китае источником немалых проблем в будущем: ситуация, когда регион, формально являющийся административной единицей страны, проводит референдум и по его результатам объявляет себя независимым, может для китайских властей стать источником

³ Байчоров А. М. Китаизация: последствия роста мощи Китая для мира в XXI веке. М.: Международные отношения, 2013. С. 100.

беспокойства в Синьцзяне и Тибете. Однако Китай и Россию сближает общая озабоченность планами США экспортировать под флагом демократии технологии «цветных революций»: «для Китая на первом месте сейчас стоят задачи борьбы с «исламским» экстремизмом, несущим угрозу стабильности и территориальной целостности Северо-Западного Китая»⁴.

Европа и США рассматривают Китай как вызов. Китайская альтернативная модель развития для развивающихся стран может «затмить» западную модель, основанную на либеральной демократии и рыночной экономике. По мнению европейцев, глобальное влияние Китая становится все менее благоприятным. Россия и Китай остро осознают, что в этих условиях необходимо формирование альтернативных центров силы, которые являлись бы сдерживающим фактором для США. Россия, Китай, а также страны БРИКС, укрепляющие свои позиции на международной арене, постепенно становятся такими центрами силы. Ученые-гуманитарии, несомненно, в перспективе будут «выделять состоявшуюся 16-17 июля в бразильском городе Форталеза встречу глав государств, входящих в группу БРИКС, как один из поворотных моментов истории, сравнимый с поражением Наполеона под Ватерлоо в 1815 году, и подъемом британского, а затем и американского имперского доминирования в мире. Очевидно, что Владимир Путин играет ведущую роль в создании исторической альтернативы англо-американской монетарной и финансовой системе в лице БРИКС. ... Безусловно, самым важным соглашением, достигнутым на встрече, стало соглашение о создании так называемого Нового банка развития с первоначальным капиталом 50 миллиардов долларов, который впоследствии может быть увеличен до 100 миллиардов»⁵. Такое «масштабное продвижение Китая в Латинской Америке не могло не вызвать ревнивой реакции в Соединенных Штатах»⁶. Соответственно, на гео-

⁴ Титаренко М.Л. Россия и ее азиатские партнеры в глобализирующемся мире. Стратегическое сотрудничество: проблемы и перспективы. – М.: ИД «ФОРУМ», 2012. – С. 407.

⁵ Энгдаль Уильям. Альтернатива, с которой придется считаться. [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.rg.ru/2014/07/23/engdal.html> (дата обращения 28.06.2014).

⁶ БРИКС – Латинская Америка: позиционирование и взаимодействие (под. общ. ред. В. М. Давыдова). – М.: ИЛА РАН, 2014. С. 78.

стратегической карте мира, границы которого больше определяются общими идеологическими концепциями, доктринами и моделями поведения возникает некоторая опасность смены американизации, например, китаизацией, русинизацией и т.д. В эволюции международных конфликтов возникла новая фаза – межцивилизационная.

Очевидно, что вся цепочка событий, последовавшая за саммитом БРИКС, – крушение малазийского Боинга, жесткая риторика США с требованиями изоляции России, секторальные санкции против Москвы, мировые коммуникативные санкции – выделяется достаточно плотным совпадением: острый политический кризис, охвативший в 2013-2014 гг. Украину, вызвал колоссальный по своим масштабам резонанс в мире. Реакция на события, происходящие в Украине, последовала со стороны практически всех крупных стран мира, в том числе и Китая.

Чередой военных столкновений на рубеже третьего тысячелетия, в которых активно применялись указанные технологии (Югославия, Афганистан, Сирия, Украина), со всей очевидностью показала, что использование интернета и нарождающихся «новых медиа» способно менять характер, скорость и содержание (и даже направленность, меняя местами агрессора и защитника) социальных, в том числе политических и военных процессов, вооруженной борьбы, все активнее смещая их в сторону неконтактных методов ведения боевых действий в пользу более сильного в информационном и экономическом отношении противника. Одним из способов деструктивного применения новых информационных технологий является военная информационно-коммуникативная операция (ВИКО)⁷: «социальное пространство современного общества все более обретает свойства коммуницируемости, что в практическом плане открывает с одной стороны все новые информационные возможности для человека, но с другой создает все более изощренные механизмы информационно-деструктивного воздействия, к числу которых относятся и военные информационно-коммуникативные операции»⁸.

⁷ Кафтан В.В., Щербина Д.Н. Военная информационно-коммуникативная операция в информационном пространстве современного общества // Пространство и Время. – 2013. – №4 (14). – С. 224-230.

⁸ Там же. С. 225.

А.В. Манойло, разграничивая понятия «информационная война» (далее – ИВ) и «информационное противоборство» (далее – ИП), утверждает, что «к информационному противоборству можно отнести любые формы социальной и политической конкуренции, в которых для достижения конкурентного преимущества предпочтение отдается средствам и способам информационно-психологического воздействия. Видно, что понятие информационного противоборства включает в себя весь спектр конфликтных ситуаций в информационно-психологической сфере – от межличностных конфликтов до открытого противостояния социальных систем. Информационно-психологическая война – это, безусловно, также один из видов информационного противоборства»⁹. ИВ также определяется исследователями как всеобъемлющая, целостная коммуникативная стратегия, основанная на использовании искаженной или вымышленной информации, которая является одним из способов ведения конфликта¹⁰. В основе информационно-психологической войны лежит определенная подача информации (ее запрещение, искажение, фальсификация) и намеренное скрытое воздействие.

Массированное информационное воздействие в ходе ведения боевых действий не является чем-то принципиально новым. Китайские правители руководствуются традиционными «азиатскими ценностями»; достаточно вспомнить высказывание Сунь Цзы 25 веков назад: «сражаться и побеждать в каждой битве – это не высшее совершенство; высшее искусство состоит в том, чтобы сломить сопротивление врага без сражения»¹¹, а также 36 китайских стратагем, позволяющих без боя привести к нужным изменениям и поражению противника¹². Основные принципы восточных единоборств не предполагают прямого столкновения: на конечном этапе борьбы, добавив

⁹ Манойло А.В. Информационно-психологическая война: факторы, определяющие формат современного вооруженного конфликта. [Электронный ресурс]. – URL: <http://psyfactor.org/lib/psywar35.htm> (дата обращения 28.07.2014).

¹⁰ Почепцов Г.Г. Информационные войны. – М.: Рефл-бук; Киев: Ваклер, 2000.

¹¹ Sun Tzu. The Art of War. Translated from Chinese by L. Giles. – MA., 1910.

¹² Нишанбаев Ю. Восточные стратагемы: библия стратега. – М.: Амига-Русь, 2009.

к чужой силе свою силу, необходимо вывернуть вектор силы противника в выгодную сторону. В общении с китайцами необходимо понимать код общения, т.е. не то, что говорится, а то, что подразумевается, не то, что на виду, а то, что скрыто, надо уметь раскодировать слова и поступки. Специфика китайского менталитета – в поиске некой третьей силы (неважно посредника или даже конкурента) на пути к цели: таким образом можно увести контроль в безопасное для них направление и только так можно сдвинуть нечто уже сложившееся с мертвой точки и начать другой сценарий. Не случайно на сегодняшний день Китай и США являются главными конкурирующими разработчиками теории и практики проведения ИП. За последнее десятилетие в Китае также отмечается быстрый рост публикаций на тему ИП и внешнеполитической пропаганды, но важным этапом в развитии китайской концепции стратегической коммуникации (далее – СК) следует считать выход в свет осенью 2011 г. первой китайской монографии по СК¹³. Среди работ китайских авторов, изучающих проблемы взаимоотношений с Поднебесной можно выделить двухтомник Луй Ижана «История границ современного Китая» (2007), а также монографии Лоу Янляна «Геополитика и стратегия национальной безопасности Китая» (2002) и Цинь Яцина «Международная система и дипломатия Китая»¹⁴. В России гражданином КНР защищена диссертация по информационной политике руководства КНР¹⁵, в которой подчеркивается, что «исследование роли СМИ в формировании нового политического дискурса в трансформационном Китае, рассмотрение массмедийного обеспечения политики китайского правительства, анализ специфики информационного пространства КНР приобретают особую социально-политическую

актуальность». Из американских работ представляют определенный интерес исследования Ф. Бергстен, М. Б. Олкотт¹⁶.

Что касается российской практики, то «... специалисты признают, что в военном конфликте 2008 г. Россия потерпела информационное поражение, несмотря на эффективность физических методов ведения войны»¹⁷. Однако во время южноосетинско-грузинского конфликта были выработаны некоторые успешные средства защиты, к которым, в частности, относятся приемы речевой стратегии аргументации, имеющей практически нулевой уровень конфликтности и направленной на объективный анализ проблем»¹⁸. ИВ по украинскому сценарию 2013-2014 гг. присуще перемещение акцентов с печатных СМИ к телевидению и далее к интернету, сетевым технологиям как факторам более мощного управления общественным мнением, которые медиаэксперты относят к «новейшим информационным технологиям»¹⁹, что еще более опасно, т.к. «сетевой принцип организации протестного движения напоминает принцип организации глобальных террористических сетей – по сути, это одна организационная технология»²⁰. «Именно коммуникационное сопровождение террористической деятельности и распространение террористической идеологии часто на-

¹⁶ Ф. Бергстен, Б. Гилл и др. Китай. Что следует знать о новой сверхдержаве. – М.: Институт комплексных стратегических исследований, 2007; Olcott M.B. Central Asia's New States: Independence, Foreign Policy and Regional Security. – Wash., 1997.

¹⁷ Шатило Я.С., Шорин И.Ю. Психологические аспекты информационной войны // Информационная безопасность регионов. – Саратов, 2008. – №1. – С. 18–23.

¹⁸ Ковалева Т. С. Стратегия манипуляции в информационной войне (на материале текстов Иносми, посвященных Южноосетинскому/Грузинскому конфликту 2008 г.). – Политическая лингвистика. – 3 (37). – 2011. – С. 86.

¹⁹ Добросклонская Т.Г. Язык средств массовой информации. – М.: КДУ, 2012; Землянова Л.М. Зарубежная коммуникативистика в преддверии информационного противоборства. – М., 1999; Виноградова Е.А. Ливия и страны Латинской Америки: информационное противоборство с Западом // Глобальные проблемы и международные отношения. – 2012. – №1. – С. 53–58.

²⁰ Манойло А.В. Цветные революции и технологии демонстрации политических режимов // // NB: Международные отношения. – 2015. – №1. – С.1-19. DOI: 10.7256/2306-4226.2015.1.12614. [Электронный ресурс]. – URL: http://e-notabene.ru/wi/article_12614.html (дата обращения 28.07.2014).

¹³ 毕研韬, 王金玲煮. 战略传播纲要 [Программа стратегической коммуникации]. —北京: 国家行政学院出版社, 2011. – 118 页。

¹⁴ 吕一燃. 中国近代边界史 [История границ современного Китая]. —四川: 四川人民出版社, 2007 年; 罗耀亮. 地缘政治学中国国防战略. —天津: 天津人民出版社 2002 年; 秦亚青 等著. 国际体系与中国外交 [Международные системы и дипломатия Китая]. —北京: 世界知识出版社 2009 年。

¹⁵ У Сюэюань. Информационное обеспечение политики китайского руководства на рубеже XX-XXI вв. Автореф. дис. ...канд. полит. наук. – М., 2010.

прямую приводит к угрозам международной безопасности»²¹.

В данном контексте лингвосомиотическая система и/или политический дискурс СМИ КНР становятся экономическим и политическим фактором международных отношений. Поэтому изучение языка СМИ невозможно в отрыве от политических событий, политической коммуникации, к которой также относят язык СМИ. Политический дискурс как дискурс институциональный позволяет навязывать определенное мировоззрение посредством СМИ, поэтому журналистский текст или медиатекст в нашем случае выступает предметом и единицей анализа. В России вопросам медиадискурса и политического дискурса посвящены работы А.Н. Баранова²², Т.Г. Добросклонской²³, А.Н. Алексахина²⁴, О.Н. Морозовой, А.П. Чудинова²⁵, Э.В. Будаева, Н.С. Рядовой²⁶ и др.

Политическая лингвистика и медиалингвистика как междисциплинарные отрасли с ярко выраженным интегративным характером и своей методологией позволяют проводить исследования, цель которых заключается в целостном анализе формирования Китая политик в отношении России и в отношении других стран с применением дискурсивного подхода, с последующей реакцией на возможное совершение Китая и другими

государствами действий во внешней политике, затрагивающих российские интересы.

Оценка современного состояния политической лингвистики или лингвополитологии в России позволяет выделить три подхода к трактовке понятия «политический дискурс»: Е. И. Шейгал рассматривает политический дискурс как текущую речевую деятельность в определенном социальном пространстве, а также возникающие в результате данной деятельности произведения (тексты), рассматриваемые во взаимодействии лингвистических, паралингвистических и экстралингвистических факторов²⁷. По В. Н. Базылеву политический дискурс является вербализацией измененного состояния сознания продуцента, которое выявляется при сопоставлении его с обыденным состоянием сознания, рассматриваемым как норма. Кроме того, по мнению ученого, политический дискурс способствует «раздвоению» социальной реальности на реальную инстанцию и ее образ, завуалированный и неясный²⁸. В.З. Демьянков, интерпретируя политический дискурс в его целостности, говорит о том, что «нельзя ограничиваться чисто языковыми моментами, иначе суть и цель политического дискурса пройдут незамеченными. Понимание политического дискурса предполагает знание фона, ожиданий автора и аудитории, скрытых мотивов, сюжетных схем и излюбленных логических переходов, бытующих в конкретную эпоху»²⁹.

Итак, политический дискурс может анализироваться как языковое выражение определенной общественно-политической практики, за которой стоит социально, исторически и идеологически обусловленная ментальность. Приоритетным методологическим ключом такого рода исследований выступают дискурс-анализ (анализ макросемантический и одновременно глубинно-семантический

²¹ Базаркина Д.Ю. Угроза терроризма в современном мире: коммуникационный аспект // [Электронный ресурс]. – URL: <http://mic.org.ru/3-nomer-2012/128-ugroza-terrorizma-v-sovremennom-mire-kommunikatsionnyj-aspekt> (дата обращения 28.07.2014).

²² Баранов А. Н. Лингвистическая экспертиза текста: теоретические основания и практика. – М.: ФЛИНТА, Наука, 2011.

²³ Добросклонская Т.Г. Язык средств массовой информации. – М.: КДУ, 2012; Добросклонская Т. Г. Лингвистические способы выражения идеологической модальности в медиатекстах // Вестн. Моск. ун-та. Сер.19: Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2009. – №2. – С. 85–94.

²⁴ Алексахин А.Н. Преемственность и инновации в современном политическом дискурсе КНР. [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.risa.ru/images/8theses/s13-aleksakhin.docx> (дата обращения 03.06.2014).

²⁵ Чудинов А.П. Политическая лингвистика. – М.: Флинта: Наука, 2012.

²⁶ Рядовая Н. С. Сопоставительный анализ аргументативных стратегий политического дискурса в кризисной ситуации (на материале речей президентов в США и России): Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. – Москва, 2013.

²⁷ Шейгал Е.И. Семиотика политического дискурса. – Волгоград, 2000.

²⁸ Базылев В.Н. К изучению политического дискурса в России и российского политического дискурса // Политический дискурс в России-2: материалы рабочего совещания. – М., 1998.

²⁹ Демьянков В.З. Политический дискурс как предмет политологической филологии. – Политическая наука. Политический дискурс: История и современные исследования. – №3. – М., 2002. – С.32-43.

кий)³⁰, методики компонентного и переводческого анализа со сравнительно-культурологическим описанием, а также когнитивное моделирование информационного пространства с привлечением методологии лингвосоциокультурного анализа журналистских текстов³¹. Исследования концептов, метафор и других аспектов политического дискурса, а также языка политического дискурса приобретают особую актуальность в современной геополитической ситуации. Как правило, исследования языка СМИ и журналистских текстов проводятся в перспективе дискурс-анализа. Дискурсивное направление представлено двумя вариантами: критический дискурс-анализ (сокращенно КДА) и дескриптивный дискурс-анализ³². Задачей КДА является выявление примеров взаимного влияния языка и социального устройства. Важным аспектом выступает критический взгляд на социальные явления, выраженные политической установкой. «Детальное изучение текстов помогает выявить имплицитно выраженные бессознательные установки коммуникантов и на этой основе показать результаты воздействия дискурса на восприятие информации.... Внимание специалистов по критическому дискурс-анализу особенно привлекают отрицательные образы «чужих» как представителей иных рас, этносов и культур. Под «чужими» подразумеваются как другие геополитические субъекты, так и международные отношения»³³. Ведущими представителями КДА являются Норман Фэркло (Norman Fairclough), Рут Водак (Ruth Wodak), Тьон А. ван Дейк (Teun A. Van Dijk) и др.

Исследователи-китаеведы указывают на «наслоение» политического дискурса и традиционного дискурса КНР медиатекстов, что обуславливает определенную специфику перевода, интерпретации и восприятия информации. Существуют «моменты» (термин У. И. Берзиня), которые невозможно передать при переводе на язык западных культур именно в силу культуроспецифической

лексики или прецедентных феноменов китайского лингвокультурного общества. При переводе это приводит к трансформациям таких единиц, необходимости прибегать к компенсациям другими средствами языка, демегафоризации и зачастую к «потерям» чисто китайских «моментов», что ведет к выхолащиванию глубинного содержания.

Китайский политический дискурс ясно показывает творческую идейную борьбу правящей партии Китая – КПК за удержание политической власти в национальных интересах этой страны. Современная словесная формула политического дискурса КНР: «Цель Китая в XXI веке – осуществление «сяокан» ("小康"). Слово «сяокан» заимствуется из конфуцианского представления об идеальном обществе «датун», термин же «сяокан» обозначает предшествующую стадию идеального общества. Таким образом, в политическом дискурсе Китая происходит состыковка слов «шэхуйчжуи» (социализм) и «сяокан»³⁴. Это совпадает с утверждением У.И. Берзиня о том, что «в терминах политической науки возможно описать явление, которое хорошо известно китаеведам, но далеко не очевидно политологам. А именно то, что создаваемые для китайцев современные политические тексты КНР не всегда совпадают в лексическом и смысловом плане со своими переводами, то есть, с теми же текстами, но предназначенными для внешнего пользователя»³⁵. Для китайского политического дискурса СМИ характерны интертекстуальность и интердискурсивность. Под интердискурсивностью в КДА понимается внутренняя неоднородность текста, являющаяся результатом особой стилистики, жанра или дискурсивной практики»³⁶.

Обратимся к примерам. Новостные тексты отобраны в качестве базовых медиатекстов исследования. В российском медийном пространстве аналитические статьи китайских интернет-изда-

³⁰ Чернявская В.Е. Лингвистика текста. Лингвистика дискурса. – М.: ЛЕНАНД, 2014. – С. 140-146.

³¹ Богуславская В.В. Моделирование текста: лингвосоциокультурная концепция. Анализ журналистских текстов. – М.: Изд-во ЛКИ, 2013.

³² Будаев Э.В., А.П. Чудинов. Зарубежная политическая лингвистика. – М.: Флинта: Наука, 2008.

³³ Там же. С. 55-57.

³⁴ Алексахин А.Н. Преемственность и инновации в современном политическом дискурсе КНР. [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.risa.ru/images/8theses/s13-aleksakhin.docx> (дата обращения 30.06.2014).

³⁵ Берзиня У.А. Традиционный китайский дискурс в современном политическом дискурсе КНР (постановка проблемы). [Электронный ресурс]. – URL: [http://www.synologia.ru/a/Традиционный_китайский_дискурс_\(дата_обращения:_18.03.2014\)](http://www.synologia.ru/a/Традиционный_китайский_дискурс_(дата_обращения:_18.03.2014)).

³⁶ Fairclough N. Critical Discourse Analysis. – London. 1995. – P.218.

ний с упоминанием Украины, В.В. Путина, российско-украинского кризиса, рекомендованные для «внутреннего» – китайского читателя – заблокированы. Значение новостных текстов велико благодаря их высокой повторяемости и воспроизводимости. Материалом для анализа послужили тексты, опубликованные в пик украинского кризиса, опубликованные 17-30 июля 2014 г. на различных китайских сайтах и интернет-изданиях средств массовой информации КНР. Оформление таких текстов в Интернете обусловлено особенностями компьютерных технологий и отличается высокой степенью организации материала и тщательно выстроенными межтекстовыми связями. Развертывание материала обычно происходит от общего к частному.

Одной из сильных при реализации стратегии манипуляции является мифологема-текст, в основе которой находится прецедентный текст как определенная вербальная единица – мифоноситель. Мифологема-текст наиболее близка к классическому пониманию мифа как «сказания» (от греч. *mythos*) и соответствует мифу-нарративу, т.е. сюжетно развернутому повествованию, обладающему элементами легенды, предания, сказки³⁷. Так 18 июля в разделе «新闻» («Новости») на китайском центральном канале CCTV, падение малазийского Боинга было представлено как коллигация действий, связанных друг с другом и имеющих одну центральную тему: в истории сбитых гражданских самолетов Россия «засветилась» больше других и идет отсылка к корейскому Боингу 1983 г., что объясняет, в том числе и инцидент лета 2014 г. как один из элементов.

В следующем случае речь пойдет об особенностях политического дискурса по поводу имиджа России в мире на примере анализ статьи «俄罗斯形象调查 越来越不受世界欢迎»³⁸ [«Образ России – все менее и менее привлекательный в мире»]. Для данной статьи характерны стратегия ссылок на эмоции, стратегия осуждения, стратегия обвинения, стратегия положительной самопрезентации и стратегия прогноза. Используется такой прием речевого воздействия, как «навязывание пресуппозиции», т.е.

семантическая информация, важная для адресанта, подается не как новое знание, а как уже известное или как условие осмысленности сказанного. Достаточно полно вышперечисленные стратегии и приемы демонстрирует выводной абзац статьи: «虽然到现在为止, 肇事方还没有确认, 但是来自国际社会的责难都纷纷指向了俄罗斯。俄罗斯的国际形象也面临着多年来最严重的下滑。对俄罗斯的负面情绪在美国和欧洲最为严重, 超过70%的美欧民众对俄罗斯持负面看法。然而中国在其中显得尤为特殊。绝大多数中国受访者, 66%表示了对俄罗斯的喜悦, 高于这一比例的仅有俄罗斯92%和越南75%»。- Перевод: «Несмотря на то, что ответственная сторона официально не подтверждена и не определена, Россия все же получит осуждение международного сообщества. Имидж России и так за последние годы сильно упал... Наиболее серьезные негативные отношения к России в США и Европе: более 70% респондентов испытывают отрицательное отношение к ней. ... Однако Китай стоит несколько особняком: 66% респондентов проявляют симпатии к России; выше только в самой России (92%) и Вьетнаме (75%)».

Следующая тема – санкции. Мифы-нарративы об отношениях между Россией и западными странами могут также заключать в себе элементы сказки, в которой страны – участницы конфликта представлены как жертва, злой герой (Россия), герой-освободитель (США), добрые помощники (Латвия с Литвой, Польша) и т.д. в зависимости от политики КПК.

В статье с заголовком «美欧多国打算对俄罗斯实施新的制裁»³⁹ [США и Европееские страны намерены ввести новые санкции в отношении России] эксплицитно представлена позиция западных держав по отношению к России без оценок со стороны китайской стороны: «五位领导人表示, 鉴于乌克兰当前局势, 打算对俄罗斯采取新的制裁措施。公报说, 乌克兰东部的冲突仍在继续, 五位领导人再次强调了为乌克兰危机找到政治解决方式的重要性。五位领导人认为, 尽管多次向俄罗斯总统普京发出呼吁, 俄罗斯仍没有向乌克兰东部民间武装施加压力以促使他们进行谈判,»

³⁷ Шейгал Е.И. Семиотика политического дискурса. – Волгоград, 2000. – С. 187.

³⁸ <http://club.kdnet.net/disppbbs.asp?boardid=1&id=10227932>

³⁹ <http://world.huanqiu.com/article/2014-07/5087555.html>

也没有采取具体措施管控俄罗斯与乌克兰边境以防止武器流入乌克兰境内”。 – Перевод: «В связи со сложившейся ситуацией на Украине пятерка лидеров заявила, что намерена принять новые санкции против России. В заявлении говорится, что конфликт по-прежнему продолжается на востоке Украины; пятерка лидеров в очередной раз подчеркнула важность политического решения по кризису на Украине. Несмотря на неоднократные призывы к президенту России Владимиру Путину, Россия по-прежнему не оказывает давления на боевиков в восточной части Украины с целью призвать их к переговорам, и не принимает конкретных мер по контролю и предотвращению поставок оружия через российско-украинскую границу». В данной статье китайский журналист констатирует события и отношения со ссылкой на позиции западных стран. В результате такого, казалось бы, нейтральной подачи событий в сознании китайского читателя Россия представляется государством, составляющим оппозицию всему миру с его демократическими ценностями. При этом осуществляется метонимический перенос: общечеловеческие ценности и мирное сосуществование выбирает Запад как представитель всего мирового сообщества, получая право выражать свою позицию как позицию всего мира и инициировать различного рода «воспитательные» и экономические санкции.

Таким образом, упрощается манипулятивное воздействие дискурса политических медиатекстов, так как автору дискурса достаточно убедить читателя склониться к одному из полюсов, и другой уже будет рассматриваться как враждебный.

Важной стратегией презентации выступает номинация. Анализ материалов интернет-изданий позволил выделить номинации, которые декларируются через китайские медиатексты. “普京 – 无人可以替代” – «Путин – незаменимый», “强权的普京主义” – «усиливающийся путинизм». Имеется тенденция к расширению номинаций за счет позиционирования себя по отношению к другим государствам.

Так, лингвистическое знание приобретают свою актуальность как инструмент прикладных политологических исследований. Реализация

инструментальных функций лингвистического знания в экспертных исследовательских проектах является весьма эффективной.

Политический язык китайских медиа, доступных для просмотра, чтения и анализа на территории РФ, не позволяет обнаружить прямых информационно-психологических нападков на Россию и проводимую ею политику. Не выявлено слов-ярлыков, которые, как правило, присутствуют в условиях политического накала, медийные тексты характеризуются низким уровнем метафоризации, что объясняется стремлением китайских авторов, блогеров и журналистов к нейтральной оценке событий в России.

Однако следует отметить, что за мировыми экономическими санкциями против России остались малозаметными совсем другие – мировые коммуникативные санкции. В последние недели в связи с крушением самолета МН17 происходит исключение России из мирового коммуникативного пространства.

Курс на расширение своего влияния в регионе и мире Китай прокладывает осмотриательно. Дипломатия КНР стремится избежать конкуренции с Россией: ШОС и БРИКС – средства сохранить статус-кво и не допустить перехода к «жесткой конкуренции». Китай непреклонен в отстаивании принципа невмешательства стран во внутренние дела друг друга: этот принцип лежит в основе всей внешнеполитической деятельности КНР. Россия испытывает естественную потребность в поддержании стабильных и эффективных политических, экономических и культурных отношений с Китаем, крупнейшим и географически близким к России союзом государств. Особым фактором, определяющим интенсивность взаимодействия России с КНР, является украинский кризис 2013-2014 гг., встреча руководителей стран-участниц БРИКС, создание нового банка и, как следствие, новый насыщенный уровень отношений. Взаимодействие КНР и РФ в области безопасности проявляется в близости понимания многих международных проблем, отсутствии устремлений создать какой бы то ни было блок, взаимном уважении интересов друг друга.

Библиография

1. Алексахин А.Н. Преемственность и инновации в современном политическом дискурсе КНР. [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.risa.ru/images/8theses/s13-aleksakhin.docx>
2. Базылев В.Н. К изучению политического дискурса в России и российского политического дискурса // Политический дискурс в России-2: материалы рабочего совещания. М. 1998.
3. Баранов А.Н. Лингвистическая экспертиза текста: теоретические основания и практика: учеб. пособие. Изд. 3-е. М.: Флинта: Наука, 2011.
4. Берзиня У.А. Традиционный китайский дискурс в современном политическом дискурсе КНР (постановка проблемы). [Электронный ресурс]. – URL: [http://www.synologia.ru/a/Традиционный_китайский_дискурс_\(дата_обращения:_18.03.2014\)](http://www.synologia.ru/a/Традиционный_китайский_дискурс_(дата_обращения:_18.03.2014)).
5. Богуславская В.В. Моделирование текста: лингвосоциокультурная концепция. Анализ журналистских текстов. М.: Изд-во ЛКИ, 2013.
6. БРИКС – Латинская Америка: позиционирование и взаимодействие (под. общ. ред. В. М. Давыдова). – М.: ИЛА РАН, 2014.
7. Будаев Э.В., А.П. Чудинов. Зарубежная политическая лингвистика: учеб. пособие. М.: Флинта: Наука, 2008.
8. Демьянков В.З. Политический дискурс как предмет политологической филологии. Политическая наука. Политический дискурс: История и современные исследования. №3. М., 2002. С.32-43.
9. Добросклонская Т.Г. Язык средств массовой информации: учеб. пособие. М.: КДУ, 2012.
10. Екшембеева Л.В. Прикладные исследования в контексте новых качеств лингвистического знания. [Электронный ресурс]. – URL: <http://gisap.eu/ru/node/28927>.
11. Карпович О. Г. Современные концепции управления международными конфликтами в миротворческих операциях: Автореф. дисс. ... докт. полит. наук. – М., 2012.
12. Кафтан В.В., Щербина Д.Н. Военная информационно-коммуникативная операция в информационном пространстве современного общества // Пространство и Время. 2013. №4 (14). С. 224-230.
13. Лукьянович Н. В. Геополитика. – М.:Издательство Юрайт, 2014.
14. Манойло А.В. Информационно-психологическая война: факторы, определяющие формат современного вооруженного конфликта. [Электронный ресурс]. – URL: <http://psyfactor.org/lib/psywar35.htm> (дата обращения 28.07.2014).
15. Манойло А.В. Цветные революции и технологии демонтажа политических режимов // // NB: Международные отношения. – 2015. – №1. – С.1-19. DOI: 10.7256/2306-4226.2015.1.12614. [Электронный ресурс]. – URL: http://e-notabene.ru/wi/article_12614.html (дата обращения 28.07.2014).
16. Манойло А.В. Геополитические процессы в условиях «управляемого хаоса» // Геополитический журнал. – 2013. – №2. – С. 2-8.
17. Маслова В.А. Современные направления в лингвистике. М.: Изд. центр «Академия», 2008.
18. Ожиганов Э. Н. Моделирование и анализ политических процессов. – М.: РУДН, 2009.
19. Пихорович В. Д. Украина между Западом и Востоком: Хроники Евромайдана. – М.: ЛЕНАНД, 2014.
20. Современная политическая лингвистика: учеб. пособие / Э. В. Будаев, М. Б. Ворошилова, Е. В. Дзюба, Н. А. Красильникова; отв. ред. А. П. Чудинов. Екатеринбург, Урал. гос. пед. ун-т, 2011.
21. Стариков Н. В. Геополитика: Как это делается. – СПб.: Питер, 2014.
22. Чернявская В.Е. Лингвистика текста. Лингвистика дискурса. М.: ЛЕНАНД, 2014.
23. Чудинов А.П. Политическая лингвистика: учеб. пособие. Изд. 4-е. М.: Флинта: Наука, 2012.
24. Шейгал Е.И. Семиотика политического дискурса. Волгоград, 2000.
25. Шпильная Н.В. Языковая картина мира в структуре речемыслительной деятельности языковой личности. – М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2014.
26. У Сюэюань. Информационное обеспечение политики китайского руководства на рубеже XX-XXI вв. Автореф. дис. ...канд. полит. наук. М., 2010.

27. Lobanova Tatiana N., Malyugina Natalia A. Discursive Nature of Chinese Mass Media Texts: Methodology and Methods of Research // Eastern European Scientific Journal: Düsseldorf (Germany): Auris Verlag, 2013.6. pp. 148-153.
28. Манойло А.В. Роль стратегий управляемого хаоса в формировании нового миропорядка // Право и политика. - 2014. - №5. - С. 638-651. DOI: 10.7256/1811-9018.2014.5.11816.
29. Манойло А.В. Управление международными конфликтами: соотношение интересов и ценностей. // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия Социология. Политология. 2013. №4. С. 94-97.
30. Манойло А.В. Несиловое регулирование международных конфликтов. Культурно-цивилизационные парадигмы. // Космополис.-2008.-№2. - С.168-174.
31. Манойло А.В. Модели информационного воздействия на разрешение международных и внутриполитических конфликтов. // Федерализм.-2008.-№3. - С. 159-172.
32. Манойло А.В. Модель информационно-психологической операции в международных конфликтах. // Право и политика. 2008. №6. С.1387-1394.
33. Петренко А.И. Теоретические основы организации противодействия использованию арсенала сил, средств и методов информационно-психологической войны в политических целях // Тренды и управление. - 2014. - 2. - С. 154 - 167. DOI: 10.7256/2307-9118.2014.2.12412.
34. Гулиева Э.Ф. Политика Индии в БРИКС на современном этапе // Тренды и управление. - 2014. - 2. - С. 147 - 153. DOI: 10.7256/2307-9118.2014.2.12408.
35. Карпович О.Г. Современные концепции и модели управления международными конфликтами (сравнительный политологический анализ) // Национальная безопасность / nota bene. - 2013. - 4. - С. 605 - 612. DOI: 10.7256/2073-8560.2013.4.6434.
36. А. В. Манойло Парадигмы управления международным конфликтами: конкуренция или конфронтация // Национальная безопасность / nota bene. - 2011. - 5. - С. 135 - 142.
37. Шульц В.Л., Кульба В.В., Шелков А.Б., Чернов И.В. Сценарный анализ эффективности управления региональной безопасностью // Национальная безопасность / nota bene. - 2014. - 2. - С. 188 - 206. DOI: 10.7256/2073-8560.2014.2.11319.
38. Коробейников А.Г., Гришенцев А.Ю., Святкина М.Н. Применение интеллектуальных агентов магнитных измерений для мониторинга объектов железнодорожной инфраструктуры // NB: Кибернетика и программирование. - 2013. - 3. - С. 9 - 20. DOI: 10.7256/2306-4196.2013.3.8737. URL: http://www.e-notabene.ru/kp/article_8737.html
39. Манойло А.В. Управление психологической войной // Международные отношения. - 2013. - 3. - С. 377 - 389. DOI: 10.7256/2305-560X.2013.3.6221.
40. В.В.Кульба, В.Л Шульц, А.Б Шелков, И.В.Чернов Методы и механизмы планирования и управления в условиях чрезвычайных ситуаций // Тренды и управление. - 2013. - 2. - С. 134 - 155. DOI: 10.7256/2307-9118.2013.2.8955.
41. А. А. Косоруков Основные детерминанты процесса принятия внешнеполитических решений // Национальная безопасность / nota bene. - 2012. - 4. - С. 29 - 46.
42. Чиронova И.И. Когнитивная структура концепта «Власть» в русскоязычном и англоязычном политических дискурсах // Право и политика. - 2013. - 12. - С. 1720 - 1730. DOI: 10.7256/1811-9018.2013.12.9542.
43. А.В. Манойло Технологии психологического воздействия на конфликты (на примере революций на Ближнем Востоке и в Северной Африке) // Психология и Психотехника. - 2011. - 5. - С. 73 - 80.
44. А.Г. Соколов Кризисный дискурс «Единой России» и КПРФ: сравнительный анализ // Национальная безопасность / nota bene. - 2013. - 2. - С. 217 - 226. DOI: 10.7256/2073-8560.2013.02.2.
45. О. Г. Карпович Современные подходы США и Европейского Союза к управлению международными конфликтами // Политика и Общество. - 2011. - 12. - С. 12 - 17.

References

1. Aleksakhin A.N. *Preemstvennost' i innovatsii v sovremennom politicheskom diskurse KNR. [Elektronnyi resurs].* – URL: <http://www.risa.ru/images/8theses/s13-aleksakhin.docx>
2. Bazylev V.N. *K izucheniyu politicheskogo diskursa v Rossii i rossiiskogo politicheskogo diskursa // Politicheskii diskurs v Rossii-2: materialy rabocheho soveshchaniya.* M. 1998.
3. Baranov A.N. *Lingvisticheskaya ekspertiza teksta: teoreticheskie osnovaniya i praktika: ucheb. posobie.* Izd. 3-e. M.: Flinta: Nauka, 2011.
4. Berzinya U.A. *Traditsionnyi kitaiskii diskurs v sovremennom politicheskom diskurse KNR (postanovka problemy).* [Elektronnyi resurs]. – URL: [http://www.synologia.ru/a/Traditsionnyi_kitaiskii_diskurs_\(data obrashcheniya: 18.03.2014\).](http://www.synologia.ru/a/Traditsionnyi_kitaiskii_diskurs_(data_obrashcheniya:18.03.2014))
5. Boguslavskaya V.V. *Modelirovanie teksta: lingvosotsiokul'turnaya kontseptsiya. Analiz zhurnalistskikh tekstov.* M.: Izd-vo LKI, 2013.
6. BRICS – Latinskaya Amerika: pozitsionirovanie i vzaimodeistvie (pod. obshch. red. V. M. Davydova). – M.: ILA RAN, 2014.
7. Budaev E.V., A.P. Chudinov. *Zarubezhnaya politicheskaya lingvistika: ucheb. posobie.* M.: Flinta: Nauka, 2008.
8. Dem'yankov V.Z. *Politicheskii diskurs kak predmet politologicheskoi filologii. Politicheskaya nauka. Politicheskii diskurs: Istoriya i sovremennye issledovaniya.* №3. M., 2002. S.32-43.
9. Dobrosklonskaya T.G. *Yazyk sredstv massovoi informatsii: ucheb. posobie.* M.: KDU, 2012.
10. Ekshembeeva L.V. *Prikladnye issledovaniya v kontekste novykh kachestv lingvisticheskogo znaniya.* [Elektronnyi resurs]. – URL: [http://gisap.eu/ru/node/28927.](http://gisap.eu/ru/node/28927)
11. Karpovich O. G. *Sovremennye kontseptsii upravleniya mezhdunarodnymi konfliktami v mirotvorcheskikh operatsiyakh: Avtoref. diss. ... dokt. polit. nauk.* – M., 2012.
12. Kaftan V.V., Shcherbina D.N. *Voennaya informatsionno-kommunikativnaya operatsiya v informatsionnom prostranstve sovremennogo obshchestva // Prostranstvo i Vremya.* 2013. №4 (14). S. 224-230.
13. Luk'yanovich N. V. *Geopolitika.* – M.: Izdatel'stvo Yurait, 2014.
14. Manoilo A.V. *Informatsionno-psikhologicheskaya voina: faktory, opredelyayushchie format sovremennogo vooruzhennogo konflikta.* [Elektronnyi resurs]. – URL: <http://psyfactor.org/lib/psywar35.htm> (data obrashcheniya 28.07.2014).
15. Manoilo A.V. *Tsvetnye revolyutsii i tekhnologii demontazha politicheskikh rezhimov // NB: Mezhdunarodnye otnosheniya.* – 2015. – №1. – S.1-19. DOI: 10.7256/2306-4226.2015.1.12614. [Elektronnyi resurs]. – URL: http://e-notabene.ru/wi/article_12614.html (data obrashcheniya 28.07.2014).
16. Manoilo A.V. *Geopoliticheskie protsessy v usloviyakh «upravlyаемого khaosa» // Geopoliticheskii zhurnal.* – 2013. – №2. – S. 2-8.
17. Maslova V.A. *Sovremennye napravleniya v lingvistike.* M.: Izd. tsentr «Akademiya», 2008.
18. Zhiganov E. N. *Modelirovanie i analiz politicheskikh protsessov.* – M.: RUDN, 2009.
19. Pikhovich V. D. *Ukraina mezhdru Zapadom i Vostokom: Khroniki Evromaidana.* – M.: LENAND, 2014.
20. *Sovremennaya politicheskaya lingvistika: ucheb. posobie / E. V. Budaev, M. B. Voroshilova, E. V. Dzyuba, N A. Krasil'nikova; otv. red. A. P. Chudinov.* Ekaterinburg, Ural. gos. ped. un-t, 2011.
21. Starikov N. V. *Geopolitika: Kak eto delaetsya.* – Spb.: Piter, 2014.
22. Chernyavskaya V.E. *Lingvistika teksta. Lingvistika diskursa.* M.: LENAND, 2014.
23. Chudinov A.P. *Politicheskaya lingvistika: ucheb. posobie.* Izd. 4-e. M.: Flinta: Nauka, 2012.
24. Sheigal E.I. *Semiotika politicheskogo diskursa.* Volgograd, 2000.
25. Shpil'naya N.V. *Yazykovaya kartina mira v strukture rechemyslitel'noi deyatel'nosti yazykovoi lichnosti.* – M.: Knizhnyi dom «LIBROKOM», 2014.
26. U Syutszyuan'. *Informatsionnoe obespechenie politiki kitaiskogo rukovodstva na rubezhe XX-XXI vv.* Avtoref. dis. ...kand. polit. nauk. M., 2010.

27. Lobanova Tatiana N., Malyugina Natalia A. Discursive Nature of Chinese Mass Media Texts: Methodology and Methods of Research // Eastern European Scientific Journal: Düsseldorf (Germany): Auris Verlag, 2013.6. pp. 148-153.
28. Manoilo A.V. Rol' strategii upravlyaemogo khaosa v formirovaniy novogo miroporyadka // Pravo i politika. - 2014. - №5. - S. 638-651. DOI: 10.7256/1811-9018.2014.5.11816.
29. Manoilo A.V. Upravlenie mezhdunarodnymi konfliktami: sootnoshenie interesov i tsennosti. // Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seriya. Seriya Sotsiologiya. Politologiya. 2013. №4. S. 94-97.
30. Manoilo A.V. Nesilovoe regulirovanie mezhdunarodnykh konfliktov. Kul'turno-tsivilizatsionnye paradigmy. // Kosmopolis.-2008.-№2. - S.168-174.
31. Manoilo A.V. Modeli informatsionnogo vozdeistviya na razreshenie mezhdunarodnykh i vnutripoliticheskikh konfliktov. // Federalizm.-2008.-№3. - S. 159-172.
32. Manoilo A.V. Model' informatsionno-psikhologicheskoi operatsii v mezhdunarodnykh konfliktakh. // Pravo i politika. 2008. №6. S.1387-1394.
33. Petrenko A.I. Teoreticheskie osnovy organizatsii protivodeistviya ispol'zovaniyu arsenala sil, sredstv i metodov informatsionno-psikhologicheskoi voyny v politicheskikh tselyakh // Trendy i upravlenie. - 2014. - 2. - C. 154 - 167. DOI: 10.7256/2307-9118.2014.2.12412.
34. Gulieva E.F. Politika Indii v BRIKS na sovremennom etape // Trendy i upravlenie. - 2014. - 2. - C. 147 - 153. DOI: 10.7256/2307-9118.2014.2.12408.
35. Karpovich O.G. Sovremennye kontseptsii i modeli upravleniya mezhdunarodnymi konfliktami (sravnitel'nyi politologicheskii analiz) // Natsional'naya bezopasnost' / nota bene. - 2013. - 4. - C. 605 - 612. DOI: 10.7256/2073-8560.2013.4.6434.
36. A. V. Manoilo Paradigmy upravleniya mezhdunarodnym konfliktami: konkurentsia ili konfrontatsia // Natsional'naya bezopasnost' / nota bene. - 2011. - 5. - C. 135 - 142.
37. Shul'ts V.L., Kul'ba V.V., Shelkov A.B., Chernov I.V. Stsenarnyi analiz effektivnosti upravleniya regional'noi bezopasnost'yu // Natsional'naya bezopasnost' / nota bene. - 2014. - 2. - C. 188 - 206. DOI: 10.7256/2073-8560.2014.2.11319.
38. Korobeinikov A.G., Grishentsev A.Yu., Svyatkina M.N. Primenenie intellektual'nykh agentov magnitnykh izmerenii dlya monitoringa ob'ektov zheleznodorozhnoi infrastruktury // NB: Kibernetika i programmirovaniye. - 2013. - 3. - C. 9 - 20. DOI: 10.7256/2306-4196.2013.3.8737. URL: http://www.e-notabene.ru/kp/article_8737.html
39. Manoilo A.V. Upravlenie psikhologicheskoi voynoi // Mezhdunarodnye otnosheniya. - 2013. - 3. - C. 377 - 389. DOI: 10.7256/2305-560X.2013.3.6221.
40. V.V.Kul'ba, V.L. Shul'ts, A.B. Shelkov, I.V.Chernov Metody i mekhanizmy planirovaniya i upravleniya v usloviyakh chrezvychainykh situatsii // Trendy i upravlenie. - 2013. - 2. - C. 134 - 155. DOI: 10.7256/2307-9118.2013.2.8955.
41. A. A. Kosorukov Osnovnye determinanty protsessa prinyatiya vneshnepoliticheskikh reshenii // Natsional'naya bezopasnost' / nota bene. - 2012. - 4. - C. 29 - 46.
42. Chironova I.I. Kognitivnaya struktura kontsepta «Vlast'» v russkoyazychnom i angloyazychnom politicheskikh diskursakh // Pravo i politika. - 2013. - 12. - C. 1720 - 1730. DOI: 10.7256/1811-9018.2013.12.9542.
43. A.V. Manoilo Tekhnologii psikhologicheskogo vozdeistviya na konflikty (na primere revolyutsii na Blizhnem Vostoke i v Severnoi Afrike) // Psikhologiya i Psikhotehnika. - 2011. - 5. - C. 73 - 80.
44. A.G. Sokolov Krizisnyi diskurs «Edinoi Rossii» i KPRF: sravnitel'nyi analiz // Natsional'naya bezopasnost' / nota bene. - 2013. - 2. - C. 217 - 226. DOI: 10.7256/2073-8560.2013.02.2.
45. O. G. Karpovich Sovremennye podkhody SShA i Evropeiskogo Soyuza k upravleniyu mezhdunarodnymi konfliktami // Politika i Obshchestvo. - 2011. - 12. - C. 12 - 17.